

ТВОЙ ДО

АЙВИ
ФЭРБЕНКС

ГРОВА

18+

РЯДОМ С ТОБОЙ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ЖИВЫМ,
ПУСТЬ И ОКРУЖЕН СМЕРТЬЮ.

Айви Фэрбенкс

Твой до гроба

Серия «Любовь до гроба (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74508241
Твой до гроба / Айви Фэрбенкс: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-254663-1*

Аннотация

Рядом с тобой я чувствую себя живым, пусть и окружен смертью.

Роман, от которого замирает сердце (но не навсегда).

«В городе, до краев наполненном музыкой, ее смех – моя самая любимая мелодия».

Ларк Томпсон переехала в Ирландию, чтобы начать новую жизнь. В планах: работа мечты, новые друзья и никаких романов. Особенно с угрюмым соседом-гробовщиком, чью посылку с мешками для трупов ей доставили по ошибке.

Каллум Фланнелли скорее нырнет в открытую могилу, чем пригласит незнакомку на ужин. Но у него проблема: если он не женится до 35-летия, то лишится семейного бизнеса. До дедлайна три месяца, кандидаток в невесты – ни одной.

Ларк, неисправимая оптимистка и любительница помогать, берется найти ему жену. План прост: научить застенчивого ирландца флиртовать, но не влюбиться друг в друга. Спойлер:

план рушится к третьему свиданию. Когда Каллум шепчет ей «*to chuisle*» – пульс моего сердца, – а его поцелуи заставляют забыть обо всем на свете, Ларк понимает: она в серьезной беде.

Полюбить человека, работающего со смертью, когда ты сама учишься снова жить, – либо безумие, либо единственный шанс на настоящее счастье.

«Нежно, пикантно и великолепно... Айви Фэрбенкс – потрясающее открытие в жанре романтики!» – Эбби Хименес, автор №1 в списке бестселлеров New York Times

Содержание

От автора	8
Ирландский / Гэльский	9
Глава 1. Ларк	11
Глава 2. Каллум	15
Глава 3. Ларк	27
Глава 4. Каллум	39
Глава 5. Ларк	44
Глава 6. Каллум	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Айви Фэрбенкс

Твой до гроба

Ivy Fairbanks

Morbidly yours

© Долматова Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

МОЕЙ МАМЕ

Должна признаться: в средней школе я воровала из твоей прикроватной тумбочки все романы с полуголыми ковбоями на обложке, которые ты запрещала мне читать.

Скучаю по тебе каждый день. Надеюсь, ты меня простишь.

От автора

Эта книга о торжестве любви, исцелении и поиске равновесия между светом и тьмой. Она в целом оптимистична и написана с юмором, но оба главных героя пережили утрату: она потеряла супруга, он – пожилого друга.

В этой истории есть краткие, но реалистичные описания ритуальных услуг в похоронном бюро. Примите это во внимание, если чувствительны к подобным темам.

Ирландский / Гэльский Произношение и перевод

ИМЕНА ГЕРОЕВ:

Сирша / Сирша

Дейдре / Дирдра

Патрик / Подриг

Тайг / Тайг

Ифа / Ифа

СЛОВА:

fáilte / фолча / добро пожаловать

Gaeilge / гуэлга / ирландский язык

sláinte / сланча / за здоровье; «будем здоровы» (букв. «здоровье»)

amadán / омадаун / дурак; глупец

tá tú go hálainn / та ту го халинь / ты прекрасна / ты прекрасен

tá mé i ngrá leat / та мэй и нгра лят / я тебя люблю

Произношение и перевод слов близости на стр. 361.

Глава 1. Ларк

Пять мешков для трупов, взрослый размер.

Я моргнула и выронила канцелярский нож.

Какого черта?!

Я огляделась, надеясь найти ответ среди коробок, сваленных как попало. Увы. Только я и те немногочисленные пожитки, которые я посчитала годными для переезда через Атлантику. Удивительно, как мало нужно человеку для жизни, когда приходится учитывать расходы на доставку из Техаса в Ирландию.

Отвлеклась. Вернемся к невзрачным коробкам с аккуратной стопкой черного нейлона внутри. Я пела в канцелярский нож как в микрофон, пока распаковывала вещи под искрящийся голос Долли Партон, обещавшей новое начало, но мешки для трупов жестко выбили меня из колеи.

Я проверила адресата на сопроводительных документах: «Уиллоу Хэйвен». Соседний отель.

Какого. Черта.

В Голуэй меня привела его репутация кипящего жизнью города, а теперь в гостиную моей полупустой арендованной квартиры попал набор для смерти. Разумеется, мрачный призрак вины увязался за мной из Остина. Горе безбилетным спутником сопровождало меня через океан.

Я выглянула в щелочку жалюзи. В здании напротив ника-

ких признаков жизни не наблюдалось. Арочные окна и каменный фасад превратили его в образцового представителя местной архитектуры. Две недели назад гугл-панорама убедила меня снять жилье в этом кельтском квартале с невероятным видом на залив и насыщенной творческой жизнью. Я, может, и спонтанно сорвалась с места и переехала ради работы в другую страну, но мне хватило сообразительности изучить уровень преступности в этом районе, прежде чем подписывать договор аренды. И хотя мое новое жилье располагалось в симпатичном историческом здании, ничего особенного внутри не было: потертый диванчик и письменный стол со следами от стаканов, на котором поселились мой верный айпад и стилус. Свой выдавший виды чемодан я приспособила под журнальный столик. Достаточно, чтобы прожить здесь девять месяцев.

Мое внимание привлекла надпись на коробке, сделанная округлым почерком моей кузины Съело. Я уже по ней скупала. Меня и всех, кого я знала, разделяли четыреста пятьдесят миль. В свои двадцать девять я впервые осталась одна. Добровольно, но все же... И мешки для трупов, доставленные под дверь, в мои планы начать жизнь с чистого листа в Ирландии определенно не входили.

Может, их заказал человек, который занят каким-нибудь проектом. Тот, кто планирует прятать тела, как правило, избегает бумажной волокиты. Да? Голуэй – райское место для творческих людей, с его университетом и уличными музы-

кантами на каждом углу. Наверняка найдется объяснение.

Соседнее здание в георгианском стиле увивал плющ. Его двор затеняли изящные ивы. Ничего зловещего. Возможно, владельцу мешки срочно понадобились в качестве реквизита для спектакля или студенческого фильма. Это мой шанс завести здесь друга. Друга, который *точно не был* серийным убийцей. В Ирландии я не знала ни души, не считая руководства и специалистов по подбору персонала на своей новой работе. Я даже пыталась флиртовать с курьером – теперь понимаю: он поэтому и перепутал посылки. Мне стоило познакомиться с соседом, пока не разыгралось воображение. Господи, да этот город не раз был признан самым дружелюбным!

Ноябрьская прохлада вынудила меня нырнуть в любимые ковбойские сапоги и джемпер. Меня разбирало любопытство, пока я шла к отелю с коробкой под мышкой.

Стойка администратора пустовала. От холла веяло мрачной энергетикой, хоть он и выглядел традиционно и по-домашнему уютно. По всей видимости, управляла этим маленьким бизнесом какая-нибудь почтенная старушка, вяжущая салфетки. Увы, лучшими подружками мы не станем. На столе сверкал, словно ртуть, круглый серебряный звонок для вызова персонала. Стоило хлопнуть по нему, как холл наполнил приятный звон.

*Nada*¹.

¹ Ничего (исп.). (Здесь и далее прим. пер.)

– Здравствуйте?

Я чувствовала себя той самой героиней ужастика, которая кричит в темноту вместо того, чтобы удирать со всех ног.

Радуюсь, что не наткнулась на убийцу, я оставила посылку на стойке. Но не успела я сбежать, как из полумрака раздался глубокий голос.

Глава 2. Каллум

Рот покойной был широко открыт, словно у оперной дивы, чья партия оборвалась на середине ноты. Протащив иглу сквозь носовую перегородку миссис Мерфи, я вонзил изогнутую нержавеющей сталь в ее правую ноздрю, прежде чем проколоть нёбо. Обвил нить вокруг нижней челюсти, вывел иглу наверх и затянул петлю. Аккуратно потянув нить, сомкнул ей губы, завязал узелок и спрятал его в ноздрю. Вот. Так намного лучше.

Печально. Тридцать четыре, моя ровесница. Ни мужа, ни детей. Организацию похорон взяли на себя дальние родственники. Миссис Мерфи уволили за прогул, не разобравшись, в чем дело, когда она не вышла на работу, подавившись оливковой косточкой. Спустя двенадцать дней ее сосед пожаловался на запах. И мое отсутствие заметит разве что пара-тройка сотрудников.

В гостевом холле звякнул колокольчик, и робкий женский голос позвал: «Здравствуйте?»

Случайные клиенты заглядывали редко. Сейчас семь вечера. В рабочее время посетительей приветствовала Дирдра, пошагово объясняла весь процесс похорон, одновременно оценивая возможность раскрутить клиентов на гроб из красного дерева или бронзы. Сам я в таких делах не силен.

Толкнув дверь, я крикнул в сторону входа:

– Я за-зан... Минуту, пожалуйста.

Мое вечное проклятие – социофобия и заикание. В школе я панически боялся переключки, когда нужно было сказать: «Здесь!» Учителя или нарочно вызывали меня читать вслух перед классом, или засыпали блиц-вопросами, называя эту жестокость «суровой любовью», или же просто игнорировали. Но одноклассники были гораздо хуже. Жизнь в похоронном бюро и молчаливость сделали из меня школьного изгоя. Травля продолжалась даже после того, как логопед скорректировал мою дикцию.

Ворча, я стянул перчатки и снял пластиковый щиток, защищающий лицо, и очки. Хорошо, что не приступил к баллизмированию, ведь, начав процесс, нельзя терять ни минуты. Консервирующие растворы быстро застывают, фиксируя конечности и выражение лица. Я назначу посетительнице встречу на завтра, чтобы ее проконсультировала Дирдра, и смогу вернуться к делу.

Собравшись с духом и поправив галстук, я направился в холл.

На фоне рубинового сияния витража вырисовывался силуэт: миниатюрная женщина лет тридцати с лицом-сердечком протягивала большую коробку. Светлые волосы рассыпались по плечам, а одета она была в обычный джемпер и джинсы. Симпатичная. Впрочем, не важно.

– Привет! Я только переехала по соседству и, когда разбирала горы коробок, нашла вот эту. Думаю, для вас? – Тя-

гучий акцент выдавал в ней приезжую. Она нервно постукивала бледно-розовыми ковбойскими сапогами по паркету. – Курьер доставил ее по ошибке.

Я и не заметил, что предыдущие квартиранты съехали. Спешим на то, что я сутками торчу в море. Будучи владельцем «Уиллоу Хэйвен», я делегировал коллегам все рабочие звонки. Одиночество и привычный порядок дарили мне покой.

– Фальче², – с трудом произнес я и кашлянул. – Добро пожаловать.

– Спасибо. Здесь все такие милые. Не зря город славится дружелюбием. Я-то привыкла к южному гостеприимству. В смысле, американскому.

– Спасибо. – Я взял коробку. Она была не заклеена, только плотно закрыта клапанами.

– Я распаковывала вещи и не заметила, что коробка чужая, пока ее не открыла. Упс. Всё на месте. Честное слово. Я не нарочно в нее заглянула. – Она говорила, не переставая размахивать руками. – Меня зовут Ларк³. Ну, знаете, как беззаботная пташка... Опережу ваш вопрос про мое имя: да, мама пахнет пачули и читает ауры. Я – нет. В смысле, не читаю ауры. И не пользуюсь духами с пачули.

Аура? Пачули? Повисла тишина, пока я пытался сформулировать ответ на этот словесный поток.

² Fáilte – добро пожаловать (гэльск.).

³ От англ. идиомы as happy as a lark – «весела, словно жаворонок».

– Каллум Флэннели. – Да. Это все, что я смог придумать.

Несмотря на мою сдержанность, она пожала мне руку с искренней теплой улыбкой. Но потом поморщилась. Формальдегид и фирменный аромат разложения – не самые приятные запахи, их не скроешь цветочными композициями на стойке администратора. Я всегда принимал душ после работы в секционной, но к вторжению готов не был. Стоило ей разжать пальцы, я выдохнул.

– Приятно с вами познакомиться!

Она провела пальцем по деревянной обшивке стен. У камина, где тлел торфяной брикет, теснились мягкие кресла. На каждом приставном столике лежали коробки с салфетками. Каталоги и буклеты, нужные клиентам, я убирал в ящики стола, чтобы не бросались в глаза. Мы хотели подчеркнуть свое искреннее участие, а не коммерческий интерес. Дедушка Тайг всегда говорил, что держать рекламу на виду во время прощания – верх бестактности. В целом все создавало уютную домашнюю обстановку.

– Долго вы здесь работаете?

В замешательстве я потер красный след на лбу от пластикового щитка и поправил очки, пока они не сползли с переносицы.

– Трудно сказать. Я здесь вырос и начал помогать, как только научился ходить.

– Через вас разные интересные личности проходят, да?

Столетие назад мой прадед купил гостиницу и переделал

ее в похоронное бюро. С тех пор каких только жителей Голуэя мы не проводили в последний путь. Тату-мастера, который просил удалить и законсервировать фрагмент своей кожи, чтобы выставить в салоне. Киномана, которого похоронили с точной копией светового меча под музыку Джона Уильяма. Художника, чья семья устроила в нашей часовне ретроспективную художественную выставку.

Навязчивая новая соседка без разрешения уселась за пианино, пробарабанила по старым клавишам «Собачий вальс», а потом начала пролистывать гимны в песеннике. Ноты шелестели под ее пальцами.

– Сыграете что-нибудь из этого? – Она отодвинулась на край мягкой банкетки и похлопала по освободившемуся месту.

Беззаботная пташка. Учитывая, с какой обезоруживающей дерзостью она заявила ко мне домой и беспечно потребовала устроить концерт, имя ей подходило.

– О, не могу.

– Ну пожалуйста! Не нужно быть Моцартом. Мне медведь на ухо наступил, так что меня сразит все, что сложнее детской песенки.

Она улыбнулась. Каждая клеточка во мне кричала и требовала спрятаться в секционной, но я все-таки подошел к пианино.

Я сел и вытер о брюки потные ладони. Я ничем не был ей обязан. Она даже не наш клиент. Но что-то в ее болтливой

живости заставило меня уступить.

– Это все старомодные грустные песни о любви?

Пожалуй, в каком-то смысле все они были о любви. Горе, протест, вера берут начало в любви. В песеннике было несколько романтических мелодий, но грустными их не назовешь.

Скользя пальцами по клавишам, я наизусть наиграл середину и припев Galway Bay⁴. Знакомый, как туман, и в то же время наполненный таинственной магией.

Меня переполнила гордость, когда я заметил откровенное восхищение на лице новой соседки. Ларк медленно опустила веки, пока слушала теплые глубокие ноты, льющиеся из древнего инструмента. Боковым зрением я уловил, что еще мгновение после того, как музыка стихла, она сидела с закрытыми глазами. Я оцепенел, все мое внимание было приковано к этой дерзкой незнакомке.

– Мне нравится. – Ларк выудила блокнот из-под стопки нот. – А это что? Похоже на рукописные стихи.

Кашлянув, я отобрал у нее блокнот и бережно прижал к себе потрепанные страницы.

– Это личное.

– Ой, простите. А вы еще и поете?

– Нет. – Ответ прозвучал чересчур решительно и быстро.

Она нахмурилась, когда я крепко вцепился в блокнот,

⁴ Galway Bay («Залив Голуэй») – классическая ирландская песня о любви к родине и морю.

но вскоре снова непринужденно заулыбалась. Банкетка была рассчитана на мой высокий рост, и Ларк болтала ногами, не доставая сапогами до пола. Это вернуло меня в детство, когда я мальчишкой разучивал траурные гимны, а сам хотел лишь любоваться парусниками в бухте.

– Э-э... можно вопрос? Знаю, лезу не в свое дело, но для чего они?

– Ноты?

– Да нет же, чудик!

Чудик? В жизни каких только насмешек и жестокостей я не слышал, но чудиком меня назвали впервые. *Тормозом* – часто, *стремным* – иногда. «Чудик» предполагал долю беззаботности, для которой я был слишком серьезен.

– Ну знаете... мешки для трупов. Для чего они?

– Для тел. – Я не понимал, почему она спрашивает.

Она произвольно растянула губы в вымученной улыбке. От прежней не осталось и следа.

– Я понимаю, для чего они. Но вам-то они зачем понадобились?

В ее вопросе не было обвинения, скорее осторожность. Тревожность. Я облизнул губы.

– Иногда мы проводим эксгумацию. Бывает грязно.

Она моргнула.

– Что?

– Спасибо, что заскочили. Простите за путаницу с посылкой, – извинился я, вдруг вспомнив, что миссис Мерфи все

еще лежит на столе и ждет.

– Сую нос куда не надо, – выдохнула она с нервным смешком. – Я немного напряглась, когда их обнаружила. В голову пришла бредовая мысль, что вы гостей собираетесь перебить или типа того. Бред, правда?

– Не волнуйтесь. Они все уже м-мертвы.

Она побледнела.

– Мне, наверное, пора. Я пойду. М-м, спокойной ночи.

Ларк спрыгнула с банкетки и, не сводя с меня глаз, попятилась к двери. Я поднялся и намеренно сделал шаг назад, чтобы не стеснять ее. Что я такого сказал?

– Мне тоже пора. Гости сами себя не забальзамируют.

Она замерла. Обвела взглядом фойе, словно видела его впервые, а потом уставилась на меня в упор.

– Стоп. Это похоронное бюро?

Я кивнул, боясь снова ее напугать. Шокированная, она вся словно съежилась, будто трупные жидкости пропитали обивку и покойники выпрыгивали из гробов как чертики из табакерки.

– О. Проклятье. Так вы кого-то бальзамировали, а я вас отвлекла?

– А вы о чем подумали?

– Ситуация в стиле Нормана Бейтса. Не знаю, у меня бурное воображение. Я же говорила, бред.

Имя показалось знакомым, но я не мог вспомнить, где его слышал. В задумчивости я склонил голову набок.

гэльском!

Никогда не понимал, почему американцы соотносят это слово с ирландцами. Для нас оно – синоним шотландцев. В любом случае вывеска на фасаде висела десятилетиями и гласила: «Похоронное бюро – семейный бизнес с 1931 года». Сотни слоев краски берегли ее от сурового климата. Я чтил традиции и не собирался переводить надпись на английский.

– Мы так называем ирландский. Квэйлге.

Ларк недоверчиво на меня посмотрела.

– Как птичка с...⁵ – Она приставила ко лбу согнутый палец, изображая хохолок.

Нет, даже не близко, звук должен быть тверже. Я хотел повторить, но сдержался.

– Ничто так не раздражает, как коверкание нашего языка, впрочем, больше на нервы действуют янки, которые, погуглив, обнаружили у себя процент ирландской крови и хвастают этим.

Ларк, улыбаясь, теребила край джемпера – кажется, она не могла стоять смирно.

– А вы ворчун, да?

– Вы задаете много вопросов. – Мне давно было пора вернуться к телу.

– Я думала, вы, ребята, супергостеприимные. «Страна ты-

⁵ Игра слов. Перепел по-англ. Quail, героиня пытается произнести Quailgeh (Gaeilge).

сдачи приветствий»⁶, да?

Я фыркнул.

– Специализируюсь на прощаниях, а не приветствиях.

– Ну теперь понятно, почему жилье оказалось свободно.

Признаюсь, я бы вас в соседи не выбрала... ой, господи, я не вас лично имела ввиду, а похоронное бюро. Ужасно прозвучало. Лучше мне исчезнуть, пока я вас третий раз не оскорбила. Извините.

Когда Ларк ушла, я стоял в растерянности, сбитый с толку и ею, и собственной непривычной, почти добродушной реакцией.

Я запер дверь и, облачась в защитную экипировку словно в броню, вернулся к знакомой стерильности секционной. Мне нравился ее безупречный порядок. Тишина.

Я рассек кожу на шее миссис Мерфи и ввел аневризмальный крючок, пока не обнаружил артерию. Поскольку до роковой оливковой косточки она была здорова, ее сонная артерия на ощупь напоминала пасту аль денте и легко приняла артериальную трубку, змеившуюся к шлангу балъзамировочного аппарата. Формалин предостерегающе булькал в прозрачном резервуаре. Я постучал по розовому пузырьку. Проклятый аппарат барахлил. Еще одна ненужная проблема. Аппарат загудел, создавая давление в сосудистой системе, которое вытесняло застоявшуюся кровь консервиру-

⁶ Land of a Thousand Welcomes – традиционный слоган, подчеркивающий ирландское радушие.

ющим раствором.

Я задумался о неожиданной встрече со светловолосой соседкой. Играть на пианино для Ларк было... приятно. По большей части. Трудно вспомнить, с кем из незнакомых людей я общался в последний раз не по работе да еще и получил от разговора удовольствие.

Что ж, ворчливый похоронщик неплохо справился с вороватой соседкой.

Глава 3. Ларк

Мой автобус должен был приехать десять минут назад. От этой работы напрямую зависела моя виза, и я не собиралась возвращаться в Остин, поджав хвост. Я достала телефон из сумки и принялась тыкать в экран, вызывая такси.

Медленно подойдя к дороге, я вытянула шею вправо, чтобы проверить, едет ли автобус. Мимо пронеслась велосипедистка, окатив мое лицо и волосы водой из-под заднего колеса. Отплевываясь от ледяного душа с обочины, я ослабила хватку – телефон выскользнул и провалился сквозь водосточную решетку. *Нем!*

Я вглядывалась в мутный сток, надеясь, что телефон можно достать, но он уплывал куда-то в канализацию. Фантастика. Первый день на работе, а вселенная явно против меня.

К счастью, я запомнила дорогу до студии, пока выясняла, каким автобусом туда лучше добираться. Осенний ветер швырял мне под ноги опавшие листья, я плотнее запахла тренч и отправилась на работу пешком.

До того как утро пошло коту под хвост, я дефилировала перед зеркалом как Джессика Рэббит, заряжаясь уверенностью к первому рабочему дню. Ярко-розовая юбка-карандаш, красная водолазка, мои любимые красные сапоги на высоких каблуках и в довершение образа – огромные серьги-вишни. Выглядело не так безумно, как звучало, ведь даже

основатель «Пиксар» славился тем, что постоянно носил гавайские рубашки. Художники-аниматоры зачастую похожи на мультяшных героев, и никого это не удивляет.

Мои каблуки заскользили по асфальту – я резко остановилась при виде массивных кладбищенских ворот, перегородивших дорогу с обеих сторон. Тупик – в прямом и переносном смысле. Кельтские кресты усеивали аккуратно подстриженную траву. Я закрыла глаза, вспоминая баскетбольный мяч, выгравированный на граните.

Риз Томпсон. Муж. Сын. Брат. Тренер.

Возможно, я еще успею на работу, если срежу через туманную освященную землю. Где-то вдалеке загремел экскаватор. Нет, не стоит.

Мы с Ризом прыгали с парашютом и занимались виндсерфингом, две сорвиголовы, кайфующие от прилива адреналина, но с детства ничто так не разгоняло мой пульс, как мрачная тишина кладбищ. Они пугали меня до чертиков, а теперь, стоя здесь, я не могла не вспоминать человека, которого так внезапно потеряла. Срезать? Ну уж нет. С моей утренней удачливостью я наверняка споткнусь и сломаю зуб о надгробие.

Развернувшись, я пошла вниз по улице мимо автобусной остановки. В это время почти все магазины были закрыты, но напротив цветочного тротуар перегородила тележка с ярко-красными розами, искрящимися на фоне утреннего тумана. Я остановилась перед окном магазина, чтобы оценить

свой подмоченный вид. Кудри распрямились и повисли морскими водорослями, а так называемая водостойкая тушь потекла по щекам.

Дверь резко распахнулась.

– Простите. – Широкоплечий мужчина обогнул меня и замер на полуслове, приоткрыв рот. Чувственные полные губы смягчали острые линии скул. Проницательные ядовито-зеленые глаза изучали меня сквозь круглые очки в черепаховой оправе. – А, это *вы*.

– Привет... – *Парень, которого я записала в серийные убийцы? Парень, которого умудрилась оскорбить в его же доме?* В итоге я остановилась на «соседе».

Одетый в черный шерстяной жилет поверх белой накрахмаленной рубашки и узкие брюки, подчеркивающие его длинные, словно секвойи, ноги, он сжимал цветочную композицию из калл. Без пальто, несмотря на морозное ноябрьское утро. Если бы студия попросила меня нарисовать «похоронщика», я бы его нарядила в костюм в тонкую полоску и добавила темные круги под глазами, достойные Гомеса Аддамса. Стиль этого чопорного типа соответствовал стереотипам, чего не скажешь о внешности и фигуре.

– Каллум, верно? – Я протянула руку. – Ларк.

– Вы потекли.

Я резко развернулась к нему.

– Извините?

– Тушь... – Он показал на свое лицо, изображая мою хму-

рую гримасу.

А, он про кислую физиономию. Придется привыкнуть к их чудному сленгу.

— Утро выдалось кошмарное. Автобус не приехал, я собиралась вызвать такси, но велосипедистка окатила меня грязной жижей, и я уронила телефон. Буль! Прямо в водосток. Так что я несусь как сумасшедшее болотное чудище на работу, надеясь, что меня не уволят.

Каллум поморщил нос. То ли от упоминания грязной жижи, то ли от пулеметной очереди моих проблем. На мгновение его взгляд скользнул по моей непрактичной (но потрясающей!) обуви.

— Сегодня без ковбойских с-сапог?

— Без них. Поменяла на каблуки, в которых ходить неудобно. — Я потеряла глаза с темными разводами, как у енота. — Ой, можно я вызову такси с вашего телефона? Боюсь опоздать, если прожду следующий автобус.

Он надолго замолчал, а когда я уже собиралась сказать «не важно», резко кивнул, приглашая следовать за ним.

— Я вас переброшу.

— Вы мне угрожаете или предлагаете подвезти?

С ничего не выражающим лицом он пожал плечами, как будто не видел разницы. Честно говоря, у него была причина расправиться со мной после того, как я предположила, что он серийный убийца.

Был ли у меня выбор? Не было. Разве что я могла позво-

нить в «КинетиКолор» и предупредить, что опоздаю на первое собрание команды по новому проекту. Встреча планировалась масштабная – меня представляли художникам-аниматорам и дизайнерам в качестве их будущего руководителя.

Я прищурилась.

– Уверены? Кажется, вы очень заняты.

Каллум молча шел рядом, пока не подвел меня к блестящему черному винтажному катафалку на углу. Настоящему катафалку. Я снова едва не поскользнулась.

«Не знаю, на что я надеялась», – пробормотала я себе под нос.

– Покойная миссис Хиггинс нас сопровождает, если вы не против.

– Ха-ха. Почти попалась. – Я отмахнулась от этой мысли. Конечно, катафалк был пуст, иначе Каллум не предложил бы меня подвезти.

– Я прикололся. Там пусто.

Прикололся?

Не сразу, но он неловко улыбнулся, словно примерил модную вещь, в которой чувствовал себя неуютно. Улыбка казалась искренней, хоть и не совсем естественной. А у парня-то есть чувство юмора.

Пассажира я все-таки заметила сквозь окна, обрамленные этими странными маленькими занавесками.

– Там сзади гроб!

– В обычном фургоне его поцарапают. Он пустой. Пока.

– Простите за грубость, но это дерьмо. – Я рывкнула, удивив саму себя. Непрошенные воспоминания напрягали.

– Хотите открыть и проверить? – Он приподнял густую бровь, провоцируя разоблачить его ложь.

– Спасибо, не хочу! Послушайте, я ценю предложение, но не буду отнимать у вас время. В цветочном магазине есть телефон, им и воспользуюсь.

– Я думал, вы торопитесь.

– Порядок. Обо мне не беспокойтесь.

Пока он открывал катафалк и убирал в кузов цветы, я развернулась к магазину.

– Рада была увидеться.

Я остановилась. Ничего плохого не случится за время короткой поездки на катафалке. К тому же я не хотела обидеть Каллума после того, как он предложил меня подвезти. Без навигатора я все равно не понимала, куда идти. Поехать с ним – лучший вариант. Что ж, дареному коню в зубы не смотрят.

Он втиснул свои шесть-с-неизвестно-чем футов на водительское сиденье и поправил перед зеркалом сложный узел на галстуке.

– Идете?

Я позволила себе недоверчиво хмыкнуть, надеясь, что никто из моих новых коллег не увидит, на чем я приеду.

– Это суперстранно.

– Просто садитесь, – холодно повторил Каллум.

Чтобы не опоздать в первый и, возможно, самый важный рабочий день на новом месте, можно и в труповозку сесть. Пока не передумала, я со стоном запрыгнула на пассажирское место.

Боже, что скажет Съело, когда я верну телефон и обо всем ей расскажу?

– Куда?

– На студию «КинетиКолор».

Место Каллуму было незнакомо, но он быстро нашел его на гугл-картах.

Мы проехали несколько кварталов, но пульс скакал и клаустрофобия не отступала. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и, к сожалению, вдохнула искусственный запах освежителя. Или это был застоявшийся формальдегид? Мне больше по душе аромат пинаколады в моем стареньком «Фольксвагене». Сердце болезненно сжалось, когда я вспомнила подарок Риза – наклейку с надписью «Бить бордюры – нормально». Он прилепил ее немного криво – так похоже на его улыбку. Муж всегда поддразнивал меня из-за привязанности к развалюшке. Скучать по машине, на которой я колесила по Остину, было гораздо легче, чем скучать по Ризу. Гораздо безопаснее отвлечься на тоску по моей «Лоретте», если я не хочу, чтобы тушь снова растеклась.

Выяснилось, водительские права в Ирландии – удовольствие не дешевое, к тому же ограниченное по времени. Могли пройти месяцы, прежде чем меня, нового иммигранта,

допустили бы до экзамена. Начальник заверил, что общественный транспорт в Голуэе хорошо развит. Хотя, если подумать, сомневаюсь, что мистер Салливан хоть раз ездил на автобусе.

– Новая работа? – Вопрос Каллума вернул меня в действительность. Никаких мыслей о прошлом, сегодня только свежие начала.

– Да, я арт-директор на студии анимации.

Он бросил на меня удивленный взгляд.

– Мультки рисуете?

– Угу. Меня взяли в команду работать над новым проектом.

– Я мог видеть что-нибудь из вашего?

– Самый крупный проект – стриминговый релиз про изго-четвероклашку. «Шнурок». – Я не замолкала ни на минуту, перечисляя свои небольшие работы, в надежде, что болтовня отвлечет меня от мыслей о том, сколько тел перевоз этот катафалк. Скольким трагедиям он был свидетель. Молчун не сводил глаз с узких улочек.

– Через полчаса я защищаю концепт-проект перед ведущими дизайнерами. Я с ними даже не знакома.

Каллум поморщился. Четко, почти на автомате, он плавно повернул направо.

– Нервничаете, да?

Я красноречиво хихикнула. Ничто так не успокаивает, как

спонтанная поездка в карете смерти⁷.

– Чуть-чуть. Мы работаем над прекрасным, ирландским по духу сценарием. Невероятно важно задать правильный тон для визуала.

Он участливо кивнул.

Вода с мокрой головы продолжала капать мне на колени.

– Знаете, я первый раз внутри подобной машины.

– А у меня первый раз такая разговорчивая пассажирка.

– Прекратите говорить такие вещи! Я хочу представить, что мы едем в лимузине на шикарную свадьбу.

– Знаете, чем отличаются похороны от свадьбы в Ирландии? – спросил Каллум.

Я приготовилась к кульминации шутки.

– На вечеринке одним пьяным меньше. – Уголок его рта на секунду дернулся вверх. – Простите. Ужасная шутка.

Ужасная, но я все равно рассмеялась. Приоткрывая окно, я украдкой взглянула на водителя. Невольная улыбка Каллума напоминала молнию во время грозы. Краткая, но ослепительная. Неужели он так привык подавлять радость среди чужого горя, что, сам того не замечая, притупляет свои положительные эмоции?

Навигатор сообщил, что мы в квартале от места назначения. Здание студии я узнала, потому что его фото было размещено на сайте. Несколько моих коллег слонялись без дела

⁷ *Cóiste bodhar* – в ирландском фольклоре это черный экипаж, которым управляет безголовый возница, предвестник смерти.

перед входом.

Супер. Именно такое первое впечатление я и мечтала произвести.

Я заметила Венди из кадров, которая организовывала мои собеседования по скайпу. Ее идеальные брови взлетели от удивления, когда она узнала меня и направилась в мою сторону.

Бородатый мужчина окликнул кого-то из группы:

– Очень кстати. Похоронщик заберет останки твоей карьеры!

Аниматор, кому была адресована шутка, не улыбнулся и, не оглянувшись, скрылся в здании, пока бородатый посмеивался над своей же остротой.

– Ларк? – Венди расплылась в улыбке. Но разглядев получше мою испорченную укладку и потекший макияж, вздрогнула.

– Венди, привет! – Заставив себя держаться с невозмутимым видом, я улыбнулась в ответ.

Группка молодых сотрудников тарасилась на мой транспорт. Я бросила быстрый взгляд на Каллума, ища в его глазах хоть искру заговорщицкого блеска, но он оставался непоколебим. Любопытство Венди снова охладило наши едва потеплевшие отношения.

– И кто твой парень?

– Что? Нет, нет, нет. Венди, это Каллум. Он... Каллум мой сосед. Просто сосед. Он не... – Я сглотнула и хлопнула

в ладоши. – Ладно. Уже иду. Сегодня важный день, я так взволнована!

Кто-то просунул голову в дверь и помахал Венди. Извинившись, она пообещала встретиться со мной внутри: все показать и со всеми познакомить.

– О вашем появлении будет говорить весь город, – сказал Каллум и отвел взгляд.

Неловкое оправдание, что он просто сосед, наверняка выдало мое смущение. Но мне не было стыдно рядом с Каллумом. Неловкость вызывал сам катафалк и пустой гроб, жаждущий стать чьим-то последним пристанищем. И болезненные воспоминания. Я была благодарна Каллуму за его доброту.

– Это самый странный «Убер», который меня подвозил. Спасибо.

– Рад помочь. В любое время.

Без задних мыслей я перегнулась через консоль и чмокнула его в щеку. Легкий аромат одеколona напомнил мне дождь.

Стоило мне отстраниться, как его лицо и уши вспыхнули пунцовым. Он вцепился в руль так, будто ехал по ветхому однополосному мосту без перил. Я попыталась стереть пальцем след от розовой помады, но только сильнее ее размазала. Каллум тяжело сглотнул. Черт. Что если он принял дружеский поцелуй за намек? Нет. Раньше я часто целовала друзей, но у нас с Каллумом не тот уровень отношений. Теперь

неловкость была все рекорды.

– Вы сэкономите пару минут, если в следующий раз срежете через кладбище.

Я открыла дверь и едва удержалась на бордюре.

– Спасибо за совет, но я пойду длинной дорогой без припадений.

Прежде чем войти в студию, я обернулась и заметила, что Каллум держится за покрасневшую щеку. Наши взгляды встретились, и он тут же отдернул руку. Ладно. Он вроде милый. Еще не отъехав от обочины, он одними губами пожелал: «Удачи». Она мне точно понадобится.

Глава 4. Каллум

Я уставился на шахматы, к которым не притрагивался с тех пор, как год назад дед перенес первый инсульт. Всего за одну ночь из расчетливого, но чуткого бизнесмена он превратился в немощного старика. Мне пришлось взять на себя и повседневные рабочие обязанности, и уход за ним. Одиночество воцарилось в тишине дней, когда его сразил второй инсульт. Из больницы он больше не вернулся.

– Всегда знал, что «Уиллоу Хэйвен» перейдет ко мне, – прохрипел по телефону Подриг. Роднила нас только ДНК, и отцом я его не считал.

– Дело останется в семье. В семье, которую ты бросил, – отрезал я, стиснув трубку так, что побелели костяшки пальцев. Прав у него не было, хотя завещание деда подтверждало обратное. «Уиллоу Хэйвен» переходил в доверительное управление. Подриг станет владельцем, если я не женюсь до тридцати пяти, то есть до этого июля. Однако если я представлю действительное свидетельство о браке, то право собственности перейдет ко мне.

Найти жену за восемь месяцев. Вернее, за *шесть*, с учетом трехмесячного ожидания разрешения на брак.

И все из-за того, что дед помешался на идее передачи семейного бизнеса по наследству. Уже на смертном одре он попытался помириться со своим блудным сыном, а в итоге

наверотил дел.

– Нет смысла откладывать неизбежное. Просто подпиши соглашение.

– Нет! Это мой дом. И моя жизнь. Я никому не собираюсь его передавать. Уж точно не тебе.

– Послушай, у меня есть предложение от «О'Рейли и сыновья». Будем тянуть время – они могут и передумать.

– Ты подыскиваешь п-п-покупателей среди конкурентов? Он назвал астрономическую по моему представлению сумму.

– Столько они готовы заплатить. За сам бизнес, дом, кладбище, катафалк, фургон. За любые оставшиеся товары. Это справедливая оценка.

Так вот зачем он притащился из Эдинбурга. Пока я скорбел и занимался организацией похорон деда, он тайком оценивал имущество и строил коварные планы.

Георгианский особняк располагался в престижном живописном месте, к тому же кладбище, которым мы владели, давало нам бесспорное преимущество перед конкурентами.

Из-за высокой стоимости недвижимости мои шансы получить кредит были ничтожно малы, а недавний ремонт истощил наши свободные средства. Кроме «Пежо», у меня не было личного имущества, чтобы отдать под залог, и не было значимого профессионального опыта вне стен «Уиллоу Хэйвен». Ни единого шанса выкупить дело у Подрига.

– О'Рейли обещал подумать о том, чтобы оставить тебя в

штате. А я выделю тебе долю.

Я фыркнул.

– Нужно ковать железо, пока предлагают выгодную сделку. Ничего личного. Просто бизнес.

– Я не предатель! – выплюнул я в трубку. – Дед не этого хотел.

– Упрямый, как тот старый козел, да? Ну, его же здесь больше нет, так что плевать. – Подриг понизил голос. – Будь реалистом. Мы оба знаем, что до июля ты не женишься.

– Посмотрим.

Я бросил трубку.

Что я несу! Как бы одиноко мне ни было, свидания оставались сущим кошмаром. Я едва мог заговорить с женщиной. Мне всегда с большим трудом удавалось с кем-то сблизиться, и в результате встречи ни к чему не приводили. У нас с большинством людей разный темп. Даже те девушки, которые уверяли, что не хотят торопить события, все равно ждали поцелуя в конце свидания. Я не раз пытался себя заставить, но мой сдержанный поцелуй все только портил. Чувствовать себя желанным – это романтика, а притворяться я не умел.

Когда я впервые узнал о брачном пункте в завещании, в панике установил приложение для знакомств. Случился мэтч с учительницей – порядочной и доброй на вид. Мы встретились, заикание мешало общению, но все стало только хуже, когда она спросила меня о работе. Я допустил ошибку.

ку, аккуратно описав процесс восстановления лица после летальной аварии на производстве, прямо во время ужина. Учительница ушла в туалет и так и не вернулась.

Я провел пальцами по щеке в том месте, куда утром меня поцеловала Ларк. Когда ее губы коснулись моей кожи, у меня едва не случился инфаркт... Но я мог с ней разговаривать. Может, помогала ее безостановочная болтовня. А может, ее умение оставаться жизнерадостной даже после грязного душа из канавы.

В письме, приложенном к завещанию, дед неровным дрожащим почерком объяснял свои мотивы. Условие было придумано, чтобы подстегнуть меня завести семью. А еще дед надеялся, что мы с отцом помиримся. Ага, конечно. Подриг был эгоистом в шестнадцать лет, когда они с моей матерью сбежали в Шотландию, бросив меня на попечение бабушки и деда. Он не изменился, и наше общение тому доказательство. Со стоном разочарования я сорвал очки и до боли прижал ладони к глазам.

Пусть из благих побуждений, но как дед мог так поступить? После того, как я ухаживал за ним после инсультов и отдал последние силы семейному делу, чтобы оно держалось на плаву. «Уиллоу Хэйвен» нуждался во мне не меньше, чем я в нем. Заботиться о покойных и помогать семьям справиться с утратой – смысл моей жизни. И не потому, что мне нравится то, чем я занимаюсь, и я неплохо с этим справляюсь, а потому, что кто я, как не очередной Флэннели в ко-

стюме, исполняющий траурный гимн?

Скривившись, я открыл приложение для знакомств.
Шесть месяцев. Отсчет пошел.

Глава 5. Ларк

Лобби «КинетиКолор» украшали огромные поп-арт полотна. Венди и владелец студии мистер Салливан лично вышли меня поприветствовать. Окинув меня взглядом, они мгновенно подсказали, где можно освежиться.

Теперь, соответствуя образу компетентного специалиста, а не промокшего енота, я добралась до конференц-зала сквозь лабиринт рабочих мест. На столах аниматоров царил творческий хаос – от тщательно подобранных мудбордов до винтажных игрушек, сражающихся на полках над мониторами. В ожидании своей команды я пролистывала ключевые слайды презентации. Стажер разложил пончики. Факт: во время презентации гораздо легче почувствовать уверенность, когда у ваших слушателей разноцветная посыпка на подбородках. Менее неловко, чем воображать коллег голыми.

Мистер Салливан тепло улыбнулся и представил меня:

– Рад познакомиться вас с новым арт-директором. Ларк Томпсон.

Я вскинула руку и энергично помахала.

– Ларк работала над «Шнурком» на студии «Блю Стар», – продолжал директор, пока несколько человек восторженно шептались. – Впечатленный этим проектом, я пригласил ее приехать из Штатов и присоединиться к нашей скромной ко-

манде. Давайте сделаем все, чтобы она чувствовала себя как дома.

Бородатый парень, который подколот коллегу на улице, скрестил руки на груди и принялся сверлить меня взглядом, когда я вышла вперед.

– Большое спасибо, мистер Салливан. – Я изучала комнату, стараясь запомнить каждое новое лицо. – Доброе утро! Мы начинаем работу над «Королевой пиратов». Буду рада пообщаться с каждым лично. Фильм создается совместными усилиями, так что, если хотите поделиться идеями или сомнениями, знайте, что я всегда готова вас выслушать.

Потом каждый быстро представился, и после нашего активного знакомства мы принялись за раскадровку. Анви, пышная индианка с роскошной косой, ниспадающей до пояса ее модного платья, показала несколько раскадровок, которые она нарисовала дома от руки. Великолепные и динамичные, полные драматизма, они раскрывали основные сюжетные линии.

– Простите, не удержалась и набросала, как только сценарий прочитала. Конечно, это пока все очень приблизительно.

– Они невероятны! Я тоже не удержалась и сразу же приступила к работе, прочитав сценарий. Я так счастлива, что мы можем сразу взяться за дело.

С Анви мы были на одной волне. Да и в целом команда «Кинети Колор» в равной мере была дружелюбной и талантливой. Художники по фонам создавали захватывающие ми-

ры, художники по персонажам – впечатляющие концепт-эскизы. Как же я соскучилась по духу товарищества среди коллег-креативщиков!

С детства я мечтала радовать людей своим творчеством. Сидя на полу ювелирной мастерской моей мамы под разношерстный микс Fletwood Mac Донны Саммер и Кенни Роджерса, который она врубала на полную громкость, я создавала для одноклассников простые книжки с подвижными картинками. Вскоре я уже брала с них символическую плату. Магия движущегося изображения объединяла людей, и мне нравилось быть той, кто дарит это ощущение чуда. Искусство не только спасало меня от серых будней, но и помогало находить контакт с другими.

В «Блю Стар» я довольно быстро шагала по карьерной лестнице, начав с должности дизайнера персонажей в немного сумасшедшем стартапе, основанном одноклассниками.

Работать с Рейчел, моей лучшей подружкой из колледжа, которая потом стала моей золовкой, было круто. Да, у нашей небольшой группы не хватало денег и опыта, но мы с лихвой восполняли это упорным трудом и азартом. Мы с ней обменивались идеями с остальными членами сплоченной команды, и студия стала нашим вторым домом... пока однажды Рейчел не смогла смотреть мне в глаза и некогда дружные коллеги не начали замолкать, стоило мне войти в комнату. Я не могла остаться, хотя отчаянно нуждалась в чем-то, что помогло бы мне пережить потерю. В чем-нибудь, что верну-

ло бы краски в мою жизнь, когда все вокруг стало серым с уходом Риза. Потеряв его, я потеряла и Рейчел, а следом и команду, ставшую для меня почти родной. На жизнь я зарабатывала фрилансом, но проведя полтора года в одиночестве, я не собиралась упускать шанс в «КинетиКолор». Новые коллеги не должны узнать о моем прошлом. В Ирландии я планировала начать жизнь с чистого листа, только если они не начнут глубоко копать. Что ж, лопаты я им раздавать не собиралась.

Убирая вещи после ознакомительной презентации, я буквально пожирала глазами последний пончик. Но рыжебородый меня опередил и сцапал его.

– Приветик! Шон Фицджеральд.

– Приветули. – Слово вылетело само собой. Обычно я так не говорю: я же из Остина, а не из глубинки, – но в этот момент прозвучало органично. Пока что меня очаровывали мелочи нового места, например особенности языка.

Шон откусил пончик. Мой желудок заурчал: утром из-за волнения мне ничего в горло не лезло.

– Ты, значит, наш новый босс.

– Ты ведущий аниматор, верно?

Он приосанился. Карие глаза изучили меня от макушки до заляпанных грязью шпилек, задержавшись на китчевых серьгах-вишнях.

– Наш последний арт-директор постарше тебя был.

– Сочту за комплимент. Давно здесь работаешь?

Сверкнула ослепительная предостерегающая улыбка.

– Со дня основания. Если в чем-то не разберешься, спрашивай у меня напрямую. Ну, чтобы остальная команда не подумала про тебя чего плохого, – добавил он почти шепотом.

Моя улыбка потускнела, но я быстро вернула ее на место.

– Благодарю за совет.

– Отрисовка кораблей нужна к среде? Не знаю, успею ли. – Он печально разглядывал ковер. – Во вторник веду дочку к врачу, меня целый день не будет... ужасно не вовремя.

– Семья на первом месте. Всегда.

К сожалению, этот урок я усвоила слишком поздно. Я не собиралась требовать от команды, чтобы они ставили работу выше здоровья своих детей.

– Ничего страшного, если они будут готовы к утру пятницы.

– Постараюсь. – Прежде чем исчезнуть в коридоре, он бросил на меня еще один взгляд. – Добро пожаловать в «КинетиКолор».

Посыпка покатилась по пустой коробке из-под пончиков, когда я швырнула ее в мусорное ведро. Неужели он ловко выторговал себе перенос дедлайна в первый же день или все же был честен? Чутье подсказывало мне, что Шону Фицджеральду доверять нельзя.

Я следила за соседским двором из-за штор. Окно моей гостиной выходило как раз в сад за «Уиллоу Хэйвен», где Каллум обрезал ветки и приводил в порядок землю. В подтяжках, перекрещенных на широких плечах, и узких брюках чуть выше щиколоток он смахивал на что-то среднее между светским модником и человеком из прошлого. Роскошные темно-алые розы цвели на безупречно подстриженных кустах.

Некоторые люди завещают развеять свой прах под кустами роз или дубами. Может, поэтому сад Каллума такой пышный? Как ни крути, но наблюдать за тем, как сосед ухаживает за цветами, было гораздо спокойней, чем представлять его занятия в основное рабочее время.

Мой первый и единственный опыт общения с представителем похоронного бюро сводился к его агрессивным стараниям продать дорогой медный гроб и моим попыткам не чувствовать себя виноватой. Мне пытались навязать непонятные улучшения и премиальный гранит для надгробия, после того как я десять минут помутневшими глазами таращилась на шрифты с засечками. Разве мой покойный муж не достоин лучшего? Это надгробие станет его последним подарком, твердили они, и я согласилась выгравировать баскетбольный мяч на граните. *Муж. Брат. Сын. Тренер.* Памятник не вер-

нул Риза. Ничто не вернуло бы.

Публичные похороны все только усугубили. Пришла вся старшая школа, и я буквально впала в кому от шока и стыда. Меня приютила Съело, когда я больше не смогла выносить банальных соболезнований мамы. Всегда собранная в тяжелой ситуации, Съело заставляла меня есть и хоть изредка принимать ванну, пока сама готовилась к занятиям по медицине. Ло была единственным человеком во всем Техасе, кого мне было жаль оставлять.

Конечно, я осознавала важность работы Каллума. Канализацию нужно чистить. Зубы – сверлить. Тела – хоронить. И пусть его занятия навевали болезненные воспоминания, они не мешали ему оставаться привлекательным. Спокойный, с глубоким баритоном. Таинственный и сдержанный, он раскрывал глубину своих чувств, когда касался клавиш изящными руками. Он вкладывал в музыку свою душу.

Господи, поверить не могу, что поцеловала Каллума в щеку, как старого друга. Я едва соображала в то кошмарное утро, волнуясь из-за новой работы. Мы жили по соседству, и обманывать его было слишком неловко. Я больше не хотела никого целовать. Парень, наверное, и так подумал, что у меня ветер в голове, если я приняла его за серийного убийцу.

В саду появилась высокая женщина. Черные волосы полночным водопадом струились по спине, образ дополняло классическое сапфировое платье А-силуэта и темные колготки. Между нашими домами у обочины стоял цветочный

фургон с нарциссами на логотипе. Точно такой же логотип был на магазине, откуда меня подвез до работы Каллум.

Ну ты и хитрец, Флэннели.

Меня заинтриговала мысль, что этот нелюдимый человек может с кем-то флиртовать. Однако бегающий взгляд выдавал в нем скорее волнение, чем желание понравиться. Через пару минут симпатичная флористка махнула в сторону фургона. Каллум отряхнул грязь с рук, но не коснулся женщины, а просто смотрел ей вслед.

Словно почуяв мое присутствие, Каллум перевел взгляд на мое окно.

Вот черт.

Застигнутая врасплох, я попятилась и зацепилась за край шторы. Чтобы удержаться, я схватилась за ткань обеими руками и сорвала карниз со стены, приземлившись с громким «ух» на задницу.

Хотелось умереть на месте. Удобно, кстати, я же теперь живу рядом с похоронным бюро.

Не успели мы с карнизом подняться с паркета, как в дверь яростно заколотили. Ну конечно. Я всерьез подумывала спрятаться под грудой ткани и переждать, пока мой спаситель не уйдет, но все-таки решила отозваться.

С виноватой ухмылкой я запрокинула голову, когда дверь со скрипом отворилась. Он был выше меня на целый фут.

– Вы же не за сахаром зашли?

– С вами все в порядке? – Каллум дернул подбородком в

сторону шторы за моей спиной. Его широкая грудь ходила ходуном, будто он мчался сюда.

– Я шторы вешала, и, наверное, винтики разболтались.

– У кого-то точно винтики разболтались.

Я потеряла копчик.

– Вы чертовски вежливы, но со мной все хорошо.

– Наши окна прямо напротив друг друга. – Каллум опустил глаза на свои руки. Земля въелась в кожу на костяшках и окантовывала ногти. – И вы меня обвинили в странности.

На его лице мелькнула улыбка. У нас появилась своя шутка, пусть в мой адрес, но уже что-то.

Я сделала глубокий вдох, чтобы собраться.

– Прочитала про стендап-кафе неподалеку. Называется «Вкусные шутки». Хочешь сходить?

– Вместе? – Каллум запнулся. – Как пара?

– Как друзья. Хочу поблагодарить за то, что подвез меня тогда.

Я заметила, что он смотрит на бледный след от моего обручального кольца. Я сняла его в день вылета в Голуэй. Четыре года с Ризом. Двадцать один месяц с тех пор, как я слышала его задорный смех и звук свистка в день матча. Нелегко было привыкнуть к ощущению пустоты на пальце.

– Замужем?

– Была. – Пусть думает, что я в разводе. Не вынесу больше ничьих соболезнований. – Эта флористка – твоя девушка?

– Нет. – Кончики ушей у него пылали. – Долго ты за нами

наблюдала?

– Не понимаю, о чем ты. Я своими делами занималась, шторы вешала.

– Ну да.

Мне хватило времени заметить, что женщина играла волосами, наблюдая, как ты за садом ухаживаешь. Но я промолчала.

– Послушай, это не свидание. Если думаешь, что оно испортит ваши отношения...

Каллум склонил голову набок.

– Ты ей нравишься.

Он недоверчиво хмыкнул.

– Так... что скажешь?

– Ты просто хочешь дружить, – скептически заметил Каллум.

– Мне записаться в лист ожидания? – Я чувствовала, что ему нужен друг. А мне в сто раз веселее ходить на стендап-шоу с компанией. Мы оба только выиграем.

– О да. Люди у-умереть готовы, лишь бы со мной потусить. – Он говорил так сухо, что пустыня обзавидовалась бы.

Я застонала.

– Пытаешься доказать, что ненавидишь комедию, или что?

– Получается?

– Получается доказать, что вечер хорошего стендапа тебе не повредит. Хотя, если мне придется терпеть такой уровень

шуток, я, возможно, и передумаю.

– Нет, я пойду.

Глава 6. Каллум

– «Вкусные шутки», – прочитала Ларк на вывеске, идя вприпрыжку в своих розовых сапогах. – Оригинальное название, да?

– Для кафе оригинальней некуда.

Ладони вспотели, несмотря на прохладный ноябрьский день. Очередь медленно продвигалась вперед, а я продолжал прокручивать в голове свой заказ. Общение с незнакомыми людьми всегда действовало мне на нервы.

За стойкой скучала бариста. Она едва сдерживала раздражение, когда я, запинаясь, пытался заказать чай. Позади нас ворчали недовольные посетители. Ларк, не обращая на них внимания, протараторила заказ – напиток и слойку, – попутно сделав комплимент стилю баристы. Та черкнула маркером по стаканчику.

– Лавандовый айс-латте для Кларк...

– Ларк. Без «К».

– Поняла.

На картонном стаканчике, появившемся на стойке, было неряшливо нацарапано «Кларк Лар».

– И так каждый раз.

– Зато без «К», – заметил я.

– Ты вообще на чьей стороне, Колм? – Она усмехнулась, нарочно коверкая мое имя на стаканчике.

В детстве я мечтал, чтобы родители писали мое имя правильно по-ирландски – Колм, но нарушение традиции и было их умыслом. Назло моим бабушке с дедом они остановились на шотландском варианте написания имени.

Ларк выбрала столик поближе к сцене. Я бы предпочел сесть гораздо дальше. Черт, я бы вообще предпочел оказаться дома, но пообещал себе, что приложу все усилия. Общаться с женщиной не по служебным делам не должно быть так трудно. Устраивать свидания – не моя сильная сторона, но я отчаянно нуждался в практике. Я подвинул для Ларк стул, и она прикрыла ладошкой рот, обнаружив на сиденье подушку-пукалку.

– Утонченно, – обронила Ларк, похлопав по стулу, чтобы убедиться, что он не «заряжен». Она скинула свой фиолетовый плащ, под которым оказалось радужное платье. Эта женщина выглядела как рассыпавшаяся коробка карандашей. Я махнул в сторону доски на стене:

– Ну, их меню... – между нами повисла неловкая пауза, пока я старался закончить предложение. Меня удивило, что Ларк ждала, когда я договорю. Большинство людей не настолько терпеливы. – Написано шрифтом Comic Sans.

Ларк улыбнулась и набросилась на вишневую слойку.

– Прости. У меня в голове затор. Я знаю, куда ехать, как туда добраться, но иногда торможу по пути и застреваю. Особенно когда чувствую себя некомфортно или волнуюсь.

– Не нужно извиняться. Бесит, наверное. Тебе из-за меня

некомфортно?

Гул разрозненных голосов то усиливался, то затихал.

– В толпе я буквально задыхаюсь.

Ларк запила кусочек слойки кофе.

– Что ж, за выход из зоны комфорта!

– *Sláinte*⁸, – мы чокнулись бумажными стаканчиками. Горячий успокаивающий чай помог мне снять напряжение.

– Я посмотрел твой фильм.

– Фйл-им? – усмехнулась Ларк, пародируя мой акцент. – Как тебе?

– Я не знал, плакать или смеяться. Это ты придумала?

– Нет, но за мной было последнее слово по визуалу. В «Шнурке» мы полностью сосредоточились на перенасыщенной палитре без четких контуров.

– Когда они столкнули ребенка в бассейн и поверхность воды зарябила так же, как его разбитый калейдоскоп... у меня мурашки побежали.

Ее улыбка засияла ярче, чем прожектор на все еще пустующей сцене.

– Это мой любимый момент.

И хотя эпизод не был кульминационным или очевидным, он точно передавал мое подростковое чувство отчужденности. Я давно не смотрел мультфильмы, подсознательно относя их к детским развлечениям, но «Шнурок» меня тронул. Оригинальный, он заслуженно собрал множество наград.

⁸ Будем здоровы (*ирл.*).

– Ты меня гуглил? Еще одна галочка в графе «стремный».

– Только фильм. О чем новый проект?

– Грейс О'Мэлли. Версия ее жизни для семейного просмотра. До того, как мне предложили здесь работу, я ничего про эту женщину не слышала. Она потрясающая! Дочь вождя стала королевой пиратов, командующей флотом галер против британцев! Это же огонь!

– Однажды она не поклонилась самой Елизавете Первой и каким-то чудом избежала ареста или даже казни, – добавил я. Беседы на исторические темы я поддерживать мог. Конечно, я знал про морскую воительницу XVI века.

– Я прочитала несколько биографий Грейс О'Мэлли, изучила местное искусство той эпохи, чтобы стиль фильма соответствовал духу времени.

Не ожидал серьезного подхода к работе от такого эксцентричного человека, как Ларк.

– Ты говорил, что «Уиллоу Хэйвен» – семейное дело?

– Мой прадед был первым гробовщиком в Голуэе, кто предложил семьям помещение для поминок вне дома. Традиционные ночные бдения уже тогда проводили редко, но работы хватало. Прадед передал дело моему деду, а тот в свою очередь обучил меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.